

Чеченцы, ингуши, калмыки...

В 1956–1957 годах, вслед за политическими заключенными, восстановили в правах и репрессированные Сталиным народы. Балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, высланные Сталиным в Казахстан, Среднюю Азию, Сибирь начали возвращаться в родные места еще до XX съезда. Самые смелые по одиночке испытывали, изменилась ли власть? Такие попытки совершались и при Сталине, но тогда нарушителей ловили и отправляли уже не в места поселений, а в настоящие лагеря. Теперь власти не то чтобы бездействовали, но и не знали, как действовать. Отец на съезде назвал депортацию этих людей преступлением, а как с ними поступать не сказал.

Начали с самого простого – формальной отмены несправедливости.

27 марта 1956 года указом Президиума Верховного Совета освободили 22 тысячи греков, армян, болгар, высланных на спецпоселения из Крыма в 1944 году. Они не считали Крым своим и, получив свободу передвижения, выбирали себе места жительства по вкусу, не беспокоя власти и не предъявляя им никаких претензий.

28 апреля 1956 года восстановили в гражданских правах крымских татар и балканцев, а также сняли со спецучета курдов и хемшилов, бежавших в СССР после войны от преследования правительствами Турции и Ирана, всего 176 544 человека.

16 июля 1956 года Президиум Верховного Совета СССР снял ограничения «по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны», это еще 245 тысяч 390 перемещенных лиц. Гражданские права им вернули, а вот возвратиться на свои земли не предложили, как и более не требовали под страхом административного преследования оставаться в местах ссылки.

По мере ослабления ограничений, возвращения паспортов, отмены обязательной еженедельной регистрации в милиции самые нетерпеливые из бывших полуарестантов потянулись домой уже целыми семьями. Но куда? Где он, дом? Земли их давно поделили соседи. Часть чеченской территории Сталин передал Грузии, другие приграничные чеченские и ингушские районы отошли к сохранившим верность вождю дагестанцам и осетинам, оставшиеся вошли в Краснодарский край. В опустевшие дома калмыков и карачаевцев по разнарядке, почти насильно, заселяли русских из сопредельных областей. То же самое происходило и в Крыму. Из татарского он превращался в русско-украинский. Сталин приказал, чтоб и духа татарского на полуострове не осталось. Отец тогда работал на Украине и рассказывал, как Сталин звонил ему, требуя лично следить за переселением украинцев в бывшие степные татарские аулы. Украинцы в Крым ехали неохотно, климат там засушливый, вода солоноватая, да и той не хватает, земли неплодородные, урожаи пшеницы и кукурузы не ахти какие. В общем, с Херсонщиной не сравнить. Тем не менее, кампанию заселения Крыма провели в срок, за десятилетия украинцы и россияне на новом месте обжились. И так везде. Новоселы давно перестали ощущать себя новоселами, чужие дома стали их домами, поля – их полями, горы – их горами. И вот, неожиданно-негаданно являются какие-то незнакомцы и требуют вернуть якобы принадлежащее им имущество.

Проблемы у российского правительства с непокорными северокавказскими и крымскими народами начались давно, еще в XVIII веке, во времена Екатерины II, если не раньше. Российские самодержцы стремились на юг, в Персию, а путь туда пролегал через Кавказ. Заселявших северные склоны Кавказского хребта народы и племена стратегические устремления Российской короны не интересовали – пусть себе завоевывают хоть Персию, хоть Индию, но оставят их в покое. А если не оставят, то будут пенять на себя. Так началась продолжавшаяся более двух веков Кавказская война. Собственно, само завоевание Кавказа прошло быстро, регулярных армий местные правители не имели, воевать, казалось бы, не с кем. Но это только усложняло дело, племенные вожди слушали только себя, служили только своему народу и мириться с захватчиками не собирались. Победить их оказывалось почти невозможно, разбитые в одном месте, они через некоторое время возникали в другом, нападали на российские военные поселения и посты, уводили пленных. Если за них кто-то платил выкуп, пленных возвращали, если нет – сажали в глубокие ямы на цепь, обращали в рабов. Так здесь жили поколениями и свои обычаи изменять не собирались.

По прошествии десятилетий установилась некая закономерность. Крепкая центральная российская власть брала верх, замиряла горцев силой, самых непокорных выселяла, иногда целыми районами, в Сибирь, а чаще в Турцию. Тогда всех их считали турками, еще недавно эти земли принадлежали Османской империи. Когда же центральная власть, погружаясь в свои столичные дрызги, ослабевала, непокорившиеся горцы доставали спрятанные до времени сабли, ружья и даже пушки, и все начиналось сызнова.

До революции царское правительство дважды ссылало практически всех чеченцев – они самые непокорные из горских народов, – и дважды они возвращались из ниоткуда, требовали свои дома назад и тут же начинали нескончаемую войну с захватчиками.

Во время революции 1917 года горские народы выступили на стороне большевиков. Они надеялись, что новая власть даст им свободу, вернет им право самим распоряжаться в своих горах, но ошиблись. Чаяния о независимости вновь возродились с началом Второй мировой войны, и теперь для них символом свободы стал Гитлер. Горские народы с почетом встречали немецкие войска, вступившие на Северный Кавказ в 1942 году. В знак высшей признательности послали в дар фюреру белого скакуна, из добровольцев начали формировать чеченские, калмыцкие, карачаевские и иные батальоны для борьбы с «общим» врагом. В 1943 году, после сокрушительного поражения под Сталинградом, немцы отступили и с Северного Кавказа. Местные батальоны ушли с ними, а для остальных наступил час расплаты: Сталин, не мелочась, приказал очистить Северный Кавказ от «предателей».

Первыми в 1943 году выслали карачаевцев. За ними, 23 февраля 1944 года, в день Красной Армии, началась «чеченская операция». Руководил ею генерал Серов. Подготовился он хорошо. Буквально в несколько дней, несмотря на зиму, все, даже самые недоступные горные села окружили полки НКВД, прочесывали дом за домом, население согнали в сборные пункты, погрузили в железнодорожные составы и отправили на вечное поселение туда, куда указал Сталин: подальше на восток, в Казахстан, в Среднюю Азию.

По тому же сценарию проходили операции против других непокорившихся народов Кавказа, а когда в 1944 году освободили Крым, то выслали и татар.

Особняком среди сосланных народов стояли немцы. Когда-то Екатерина II пригласила их, вместе со шведами и евреями, осваивать тогдашнюю целину, селиться на вновь завоеванных землях Причерноморья и в Волжских пустошах. За два столетия переселенцы обжились, разбогатели, в Поволжье, рядом с Саратовом, в 1923 году создали процветающую Немецкую автономную республику со столицей в городе Энгельс.

Немцы, многие из них с сильной примесью еврейской крови, в отличие от чеченцев и татар, Гитлера освободителем не считали, сотнями и тысячами уходили на фронт воевать за Россию. Но Сталин распорядился иначе, в самом начале войны немецкую автономию упразднили, а всех немцев, в том числе сражавшихся на передовой, брали под стражу и отправляли на поселение в Казахстан, на Северный Урал и другие отдаленные места. Таковы законы войны. Американцы с проживавшими на западном побережье США японцами поступили аналогично. Всех их после нападения японского флота на Перл Харбор арестовали без предъявления обвинений и от греха подальше рассовали по лагерям. Правда, в Америке по окончании войны японцев распустили по домам. Сталин же рассудил иначе: при Екатерине немцы освоили приволжские земли, пусть при нем осваивают казахские. Домой, на Волгу немцам вернуться не разрешили.

После формального восстановления в правах наступило временное затишье, московские власти предпочли бы на этом поставить точку, но депортированные народы считали иначе, они требовали вернуть им утраченные земли, могилы предков и государственность, пусть и урезанную до автономии. Решение предстояло принять Хрущеву, а ему осенью 1956 года было не до крымских татар и чеченцев с ингушами, все его внимание занимала сначала Польша, затем Венгрия и Египет. Только 26 ноября 1956 года, практически одновременно с отводом англо-франко-израильских войск из зоны Суэцкого канала, отец с Булганиным подписали Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О восстановлении национальной автономии чеченского и ингушского народов». 9 января 1957 года Президиум Верховного Совета РСФСР своим указом заново образовал Чечено-Ингушскую Автономную Республику. 11 февраля того же года сессия Верховного Совета СССР принимает закон «О восстановлении национальной автономии Балкарского, Чеченского, Ингушского, Калмыцкого и Карачаевского народов». Теперь они все получили законное право на возвращение домой и могли требовать назад свои дома и земли. Тут же возникла проблема с прижившимися переселенцами, которые чеченцам, ингушам и прочим коренным жителям представлялись «захватчи-

ками». «Захватчики» же не сомневались в своем праве на эти горы и поля. Власти пытались уладить конфликт, предлагали «возвращенцам» пустующие, нередко лучшие земли, но те и слушать не желали, жить по соседству они не хотели и не могли, родовые обычаи требовали селиться на землях предков, рядом с их могилами. Пусть пришельцы и осквернили их, уничтожили надгробия, но могилы-то остались. То и дело возникали драки, дело доходило до поножовщины.

Жившие на Северном Кавказе русские и иже с ними инициированного отцом закона, отменявшего сталинскую депортацию, не приняли, я уже не говорю что не одобрили. Они тоже считали эти земли своими, еще царем отвоеванными у непокорных аборигенов, а ссылку последних Сталиным в Казахстан – «справедливым» решением земельного и иных вопросов. Чеченцы и другие «возвращенцы» придерживались, естественно, диаметрально противоположного взгляда на «земельный вопрос». Соответственно, к отцу они относились с искренним почитанием.

Решение о возвращении депортированных народов породило еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым у председателя КГБ Серова отобрали полученный им в 1944 году за операцию по их выселению высший военный орден Суворова. Правда, потерю ему компенсировали таким же орденом за наведение порядка в Венгрии.

Новый закон всерьез не затронул немцев, он снял с них «огульное обвинение в отношении немецкого населения, проживающего в районе Поволжья в пособничестве врагу» и на этом поставил точку. Крымские татары тоже остались в местах своей бывшей ссылки, как и немцы, на правах местных жителей, с паспортами. Всегда уважавшие порядок, закон и силу, немцы вели себя спокойно, а вот татары, не попав в Указ, заволновались, направляли в Москву петицию за петицией.

Мне такое отношение к татарам и немцам представлялось несправедливым, и на очередной вечерней прогулке я полез с вопросами к отцу.

– С татарами, крымскими татарами, – уточнил отец, о каких татарах идет речь, – не так просто. Крым – стратегический район, там у нас расположены военные базы, контролирующие Черное море до самого Стамбула, полуостров нашпигован радарными, кораблями, самолетами, крылатыми ракетами. Крымские татары исторически тяготеют к туркам. А Турция – член НАТО, наш враг. Возвратятся татары в Крым, начнут смотреть в сторону Турции. Конечно, ничего особенного они сделать не смогут... Но зачем нам дополнительная головная боль?

Такое объяснение меня полностью устроило. В исторической памяти россиян и украинцев, а во мне смешались обе крови, татары всегда олицетворяли зло, рабство. Они нападали на Русь, грабили, жгли, насильничали. Правда, и русские тоже нападали на них, грабили, но кто станет осуждать собственных воинов? И то, что Крым теперь наш, а не их, отвечало моему тогдашнему пониманию справедливости.

– Немцы же, – продолжал объяснять мне отец, – на нашей земле гости, их когда-то пригласили цари. К тому же никто не забыл, что немцы – наши вчерашние враги. До войны они жили гостями на российских землях в саратовских и украинских степях, теперь – обустроились такими же гостями на целине в Казахстане. Земли там не хуже. В Саратове местные власти стоят насмерть, свободных пространств у них не осталось. Начнешь возвращать немцев, обидишь русских. Немцы выгоняют их из собственных домов! Пусть не те немцы, но всё же немцы. И с оставляемыми переселенцами землями на целине тоже что-то придется делать, заселять их кем-то еще. Что же получается? Переселять немцев из Казахстана под Саратов, а русских из-под Саратова в Казахстан? Пусть уж все остается как есть.

Какое-то время все и оставалось «как есть».

Поездив по Казахстану, отец познакомился со многими немецкими поселенцами. Их колхозы процветали, выгодно выделялись на общем фоне. В своих выступлениях он ставил немцев в пример соседям. Казахстанские немцы при встречах с Хрущевым время от времени без нажима напоминали о своей утерянной Саратовской «родине». Отец, как мог, уклонялся от прямого ответа. Так продолжалось до 1964 года. В тот год он особенно много ездил по целинным совхозам и колхозам, в том числе и немецким, самым богатым, самым процветающим. Как обычно, разговаривал с людьми, выступал на митингах, выслушивал их просьбы, рассовывал по карманам передаваемые ему из толпы письма и записки. Местных немцев казахстанский достаток не радовал, им было совсем не все равно, где жить, они стремились домой, на Волгу. И отец решился. Он никогда не чурался исправлять свои ошибки, к тому же целина к 1964 году стабилизировалась, обустроилась, «обросла жирком», она проживет и без немцев. 29 августа 1964 года Президиум Верховного Совета СССР издал соответствующий Указ. Но доделать задуманное отец уже не успел. После его отставки проблемами высланных немцев, реализацией Указа Брежнев заниматься не пожелал. «Волонтаристское» решение Хрущева спустили на тормозах, немцы так и остались на долгие годы в Казахстане. В своих мемуарах Микоян утверждает, что это он первым начал поднимать вопрос о немцах Поволжья. Что это и его заслуга, охотно верю. Вот только останься отец у власти еще хотя бы год, судьбу немцев он бы устроил. А Микоян без Хрущева...

День за днем

С начала 1957 года шахтеров перевели с восьмичасового на шестичасовой рабочий день, естественно, с сохранением заработка, то есть фактически с повышением почасовой оплаты. Летом прошлого года отец обещал шахтерам Донбасса провести это Постановление и свое слово сдержал.

В первых числах января 1957 года в Кремле открылось совещание, посвященное общепиту, обсуждали, как сделать обеды в столовых не только съедобными, но и вкусными.

В январе 1957 года выходят отдельными книгами однотомники Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, а 5 февраля газеты поздравили с 60-летием писателя Валентина Катаева и награждением его орденом.

24 января маршал Жуков отправился с визитом в Индию. Встретили его там, правда, не с таким энтузиазмом, как в 1955 году приветствовали «первопроходцев» — отца с Булганиным, но тоже с огромной помпой: улицы были запружены ликующими толпами, на каждой остановке правительственного кортежа высокого гостя украшали гирляндами из живых цветов. Помню, как после возвращения отца из Индии в 1955 году, мама сетовала на «ядовитость» этих гирлянд. С отцовского костюма их следы не удалось ни отстирать, ни отпарить, ни отчистить.

7 марта 1957 года Юрия Владимировича Андропова освободили от обязанностей чрезвычайного и полномочного посла в Венгерской Народной Республике и назначили заведующим отделом ЦК ЦПСС, отвечающим за отношения со странами народной демократии, нашими восточноевропейскими союзниками. В этот день Андропов сделал первый шаг в восхождении к вершинам власти.

23 марта 1957 года публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР «О понижении размера налогов с рабочих и служащих, получающих

заработную плату до 450 рублей в месяц». Трудно поверить в такую мизерную зарплату. После деноминации рубля в 1961 году – это всего 45 рублей. И с этих 45 рублей еще требовалось уплатить налоги.

8 апреля газеты сообщили об успешных испытаниях судов на подводных крыльях, знаменитой «Ракеты» и их конструкторе Ростиславе Евгеньевиче Алексееве. Новость произвела сенсацию в мире. Это чисто советское изобретение, академики Келдыш и Лаврентьев еще в тридцатые годы разработали и опубликовали в научных журналах теорию «подводного крыла». Советские суда на подводных крыльях многие десятилетия оставались в мире вне конкуренции.

9 апреля 1957 года в Киеве, в Институте кибернетики, 33-летний математик Виктор Михайлович Глушков, будущий академик, представил Государственной комиссии свою первую электронно-вычислительную машину «Киев». Через тридцать лет, в Институте кибернетики имени академика Глушкова Украинской Академии наук я защитил докторскую диссертацию.

12 апреля 1957 года газета «Правда» поместила обширную, пестрившую цифрами, статью директора Новочеркасского электровозостроительного завода, обосновывающую необходимость расширения прав руководителей предприятий.

Под Первомай, 30 апреля 1957 года, в Москве открыли линию метро от Крымской площади до нового стадиона в Лужниках. Отец выступал перед строителями, собравшимися у входа на станцию Фрунзенская, а затем вместе с Булганиным, Маленковым, Микояном, Первухиным, Сусловым и Фурцевой прокатился на метропоезде.

12 мая 1957 года газета «Известия» обсуждает перспективность атомных судов, ледоколов, сухогрузов, танкеров. Об уже строящемся атомоходе «Ленин» автор пока не упоминает, а уже в декабре его спустят на воду.

В 1957 году мама похоронила свою маму Екатерину Григорьевну Кухарчук. Екатерина Григорьевна, украинская крестьянка, почти всю свою жизнь прожила, как сама говорила, «под поляками», сначала в Царстве Польском в составе Российской империи, а потом в независимой Польше маршала Юзефа Пилсудского. С моей мамой, эвакуировавшейся из родного села в Россию в 1915 году вместе с отступавшей царской армией, бабушка встретилась только в 1939 году, когда Красная Армия всего на несколько дней заняла ее родное село Василев. Согласно договоренности, этот Холмский район относился к немецкой зоне оккупации.

С того времени бабушка жила с нами в положенных отцу по статусу резиденциях, но так и осталась до конца своих дней крестьянкой, ежегодно засаживала овощами огород, выращивала уток, кур, кроликов. На столе у нас всегда были свежие овощи: отдельно бабушкины, отдельно с отцовых экспериментальных грядок, отдельно с правительственной продуктовой базы. Бабушка научила меня собирать грибы, вот только называла она их по-польски. Уже взрослым я с удивлением обнаружил, что известные мне с детства «кобыльи варги», в переводе – «лошадиные губы», следует называть «чернушками». Первое название и по сей день кажется мне более правильным. Взгляните на гриб, и цветом, и формой – вылитые лошадиные губы, если вы, конечно, знаете, как эти губы выглядят.

В начале 1950 года бабушка заболела легочным туберкулезом, ослабела, огород забросила. Жила она безвыездно на даче в Огарево, но теперь не в главном доме, мама переселила ее в отдельный флигелек. В семье у нас почти все переболели туберкулезом – моя старшая сестра Юля, мамин брат Иван Петрович, его дочь, мамина племянница, Нина Ивановна, я сам с туберкулезом ноги пролежал в гипсе более года. Мама панически боялась «палочки Коха», так она по-научному называла бактерии туберкулеза. Общаться с бабушкой детям запретили, но мы запрет не соблюдали, регулярно бегали к ней в гости.

Теперь бабушка умерла. Место для могилы на Новодевичьем кладбище мама выбрала, как она говорила, «уютное», рядом с высокой кирпичной стеной вдоль Лужнецкого проезда, установила серую надгробную плиту только с именем и годами рождения – смерти. Более представительное надгробие она посчитала нескромным. С годами к бабушке в могилу «подселились» мои сестры, сначала младшая Лена, потом старшая Юля.

25 мая 1957 года в Москве открылась высотная гостиница «Украина».

7 июня 1957 года объявили о создании Союза кинематографистов СССР. До того кино числилось в Министерстве культуры на правах производственного главка. Теперь киношников уравнивали в правах с писателями, композиторами, художниками и архитекторами.

8 конце июня 1957 года после более чем двадцатилетнего молчания выстрел пушки с бастиона Петропавловской крепости возвестил, что в Ленинграде наступил полдень. Пушка перестала стрелять после убийства Кирова, 1 декабря 1934 года: опасались, как бы злоумышленники не заменили холостой заряд боевым. Такое однажды уже случилось до революции, по недосмотру. Теперь традицию, установленную еще Петром I, возродили.